

## От диктатуры пролетариата до персонала (почему Гегемон не стал лидером прогресса)

**Вершель Валентина Прокофьевна**

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)  
Профессор кафедры управления персоналом и психологии  
Доктор исторических наук, профессор  
7573351@mail.ru

### РЕФЕРАТ

Сегодня существует множество точек зрения на судьбу рабочего класса. Одни по-прежнему считают рабочий класс «двигателем истории», «лидером прогресса» и единичные факты рабочего протеста трактуют как проявление мощной роли рабочего класса. Другие отмечают превращение рабочих из класса в профессиональную группу, слабо отстаивающую свои не классовые, а профессиональные интересы. Третьи призывают вернуться назад, к диктатуре пролетариата.

Куда же идет сегодня рабочий класс?

### КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

рабочий класс, пролетариат, диктатура пролетариата, совокупный работник, персонал, лидер

Vershel V. P.

## From Dictatorship of the Proletariat to Personnel (why the Hegemon didn't become the Leader of Progress)

**Vershel Valentina Prokofyevna**

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)  
Professor of the Chair of Personnel Management and Psychology  
Doctor of Science (History), Professor  
7573351@mail.ru

### ABSTRACT

Today there is a set of the points of view on destiny of working class. One still consider working class as «the history engine», «the leader of progress» and isolated facts of a working protest treat as manifestation of a powerful role of working class. Others note transformation of workers from a class in the professional group, which is poorly defending the not class, but professional interests. The third urge to return back, to dictatorship of the proletariat.

Where there is a working class today?

### KEYWORDS

working class, proletariat, dictatorship of the proletariat, cumulative worker, personnel, leader

---

Существует жесткая зависимость происходящих в стране перемен, изменений в обществе от тех позиций, которые займет в нем рабочий человек, противником или социальной опорой станет, как поведет себя сегодня и завтра в самой сердцевине событий на фоне многоголосия — полифонии — политических, экономических, нравственных, социальных, психологических проблем, взвихренных и сплетенных в единый клубок бурной нашей эпохой. В стране, где рабочий класс осознает себя ведущим субъектом общества, уверенно отстаивает свои интересы, активно вовлечен в управленческо-производственные процессы, там создается по-настоящему гражданское общество, характеризующееся совокупностью разнообразных форм социальной активности населения.

Сегодня в России 30 млн рабочих, «более 40% всего экономически активного населения на 46–47% занятых сегодня в экономике россиян» [10]. У нас достаточно высокая концентрация производства, внушительная индустрия, и низкая квалификация работников, низкая производительность, низкая мотивация к труду.

В июле 2013 г. в Германии проходил очередной всемирный конкурс рабочих профессий, проводимых некоммерческой организацией Worldskills International (WSI), созданной еще в 1946 г. Ее цель — популяризировать рабочие профессии, повышать статус и стандарты профессиональной подготовки и квалификации. На рабочую олимпиаду съехались более тысячи молодых (до 25 лет) профессионалов из 50 стран — сварщики и каменщики, токари и столяры, автомеханики и web-дизайнеры, парикмахеры и повара. И впервые в конкурсе участвовала российская делегация из 15 лучших рабочих.

Команда из России заняла последнее место. Наши молодые профессионалы и в руках не держали инструмент, который использовали выпускники первоклассных европейских колледжей. Когда-то у нас была разумная система подготовки специалистов рабочих профессий. Мы ее утратили и невообразимо отстали. Понимать причины этого состояния и учитывать позитивные аспекты названных социально-экономических процессов значит повысить сегодня статус и стандарты профессионально-технических навыков и компетенций работающих.

Так что же представлял собой рабочий еще совсем недавно, в конце восьмидесятых, завершавших советский этап? Рабочего человека еще считали главным творцом и созидателем, лидером прогресса. Предполагалось, что в среде рабочего класса формируются характеры, исполненные тех духовных, нравственных качеств, которые оказывают определяющее влияние на все население, на весь образ жизни народа. Его представители наделялись такими чертами, как организованность, социальная активность, сознательность, пролетарский интернационализм. Казалось, ничто не может поколебать этого нашего всеобщего представления.

Но в те же годы, в середине восьмидесятых, сразу после трагедий Чернобыля и «Адмирала Нахимова», взрыва на шахте «Ясиновская — Глубокая», гибели атомной подводной лодки «Комсомолец», крушения «Авроры» на Октябрьской железной дороге, страшной по своей жестокости цепной реакции национальных конфликтов уже звучал, не прерываясь, рефреном, один и тот же вопрос: что происходит с нами? Почему бедствия принимают у нас такой масштабный характер, государственную, а то и планетарную значимость? Случайность ли это? Совпадение ли? И кто виноват в этих трагедиях?

И осознавая — нет, не случайность, нет, не игра роковых обстоятельств — общество устремило свой взор на Человека, вдохновителя и творца всех великих свершений и, к сожалению, всех великих несчастий тоже. На рабочего человека. На Гегемона.

Когда-то Ленин писал: «...мы воспитаем чистеньких коммунистических специалистов лет через двадцать: первое поколение без пятна и упрека» [3, с. 55]. К концу советской эпохи прошло не двадцать — семьдесят с лишним лет. «Без пятна и упрека специалисты» работали спустя рукава, не докручивали гайки, ломали станки, выпускали некачественную продукцию, воровали. Из-за недобросовестности, халатности, нежелания строго соблюдать технологическую дисциплину срывались многие производственные задания, выходили из строя дорогостоящее оборудование, автоматизированные системы, гибли люди.

Сразу после войны на станции Каменская Юго-Восточной железной дороги едва не столкнулись два поезда: товарный и пассажирский, битком набитый демобилизованными солдатами. И тогда стрелочница отправила, не раздумывая, товарный

под откос. Спасла жизнь сотням солдат. Стрелочница чудом ушла от тюрьмы. На всю жизнь она запомнила слова следователя: «Не тот прав, кто спас солдат, а тот, кто не нарушил инструкцию».

Но для той стрелочницы в те годы альтернативы еще не было.

А вот в 1987 г. на той же самой станции диспетчер уже не взяла на себя ответственность и ради спасения людей не перевела самовольно стрелку, чтобы направить мчащийся без тормозов товарный состав не на пассажирский, а на другой товарный. «И отвечала бы за крушение я», — твердила она. Товарный смял вместе со спящими людьми два последних вагона пассажирского поезда (в той катастрофе, как известно, погибли жена и дочь актера Игоря Ливанова).

Такого рабочего воспитывала и формировала советская система. И *таким* он подошел к началу девяностых, лояльным и покорным, со слабым, неразвитым, подавленным индивидуальным началом. В литературе его называют одномерным человеком. Ему свойственны не критическое отношение к существующей действительности, к поведенческим и пропагандистским стереотипам, отсутствие индивидуальности, манипулируемость, консерватизм, конформизм и т. д.

А. Солженицын писал: «Мы даже всеобщей атомной смерти не боимся, третьей мировой войны не боимся,... мы только боимся шагов гражданского мужества! Нам бы только не оторваться от стада, не сделать шага в одиночку — и вдруг оказаться без белых батонов, без газовой колонки, без московской прописки» [7].

Особенно ярко этот нравственный надлом проявлялся в характерах прославляемых рабочих-лидеров, взлелеянных нашей прошлой эпохой. Они представляли собой чаще всего мифологизированную форму вождизма. На начальном этапе перестройки был хорошо известен бригадир слесарей-сборщиков объединения «Ленинградский металлический завод» В. С. Чичеров, дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, член ЦК КПСС. Лидером его сделали, конечно, и собственные специфические черты, такие, как трудовой энтузиазм, умение доминировать, уверенность в себе, рассудительность, зрелость. В 1986 г. со страниц «Ленинградской правды» он призывал своих земляков не жить в «хате с краю», утверждал, что за социальную справедливость «надо драться — на своем рабочем месте, в своем микрорайоне, в своей семье» [5].

А через год В. С. Чичеров, не посмев отказаться («а что я мог сделать?»), на Пленуме ЦК КПСС в числе других рабочих послушно подписал предложенное ему письмо, обличающее Б. Н. Ельцина. Но оно «не сработало». Тогда в стране уже что-то произошло. Письмо рабочих-лидеров не поддержали. Общественное мнение, всегда «простое и единое», вдруг раскололось на множество точек зрения. И прежний социальный образец, так хорошо вписывавшийся в соответствующее ему время, в существующие структуры, вдруг оказался без внимания. Выдвинувшая его система, находясь сама на социальном изломе, лишила своего лидера общественного механизма поддержки. Лидер растерялся. По крайней мере, об этом свидетельствует интервью, данное им корреспонденту «Комсомольской правды» 13 июня 1987 г. : «...честность у нас тогда дальше курилки не шла...», «Я, рабочий, на трибуне со своей правдой выглядел бы более чем нелепо», «я тогда ошибался», «Мы перестали иметь две точки зрения. Только одну. Рекомендованную свыше».

Еще вчера — призывное «надо драться», а через год — признание в собственном бессилии, в причастности к молчаливо послушному большинству.

Определенные обстоятельства социальной действительности — мнимая всеобщность, невостребованность инициативы, таланта, индивидуальности, отчуждение человека от продукта труда и самого процесса труда, отсутствие весомых материальных стимулов — находили в производственных коллективах определенные типы личности, способные выполнить адекватные «лидерские» функции. Кого бы мы ни взяли — Валентину Гаганову, Валентину Голубеву — именно они как лидеры

определенного типа были выдвинуты на арену общественной жизни обстоятельствами своего времени. Для того чтобы они могли выполнять свои лидерские функции, создавался могучий социальный механизм поддержки лидера и механизм интерпретации и реализации его инициатив. Запускалась в действие мощная пропагандистская машина.

Герой Социалистического Труда, заслуженный строитель РСФСР, Лауреат Государственной премии СССР, бывший бригадир строителей В. П. Сериков, размышляя об искусственных «маяках», об уготованной им системой судьбе, заметил, что «это трагедия рабочего класса. Это пропащие, которым не хватило сил вырваться из объятий аппарата. Дело не в том, что люди они плохие, большинство как раз и порядочные, и трудяги» [4].

Все это дискредитировало рабочих. Именно анкетные передовики помогли во многом разложить рабочий класс и деполитизировать его. Конечно, в рабочую аристократию допускали и кое-кого из настоящих лидеров, сильных, самостоятельных людей. Их обрабатывали всерьез. Но сомнительную работу — прославлять, осуждать — им не давали: рискованно, можно получить отпор.

Когда Г. А. Богомоллова, Лауреата Государственной премии СССР, фрезеровщика объединения «Ленполиграфмаш», включили в комиссию по проверке «дела» рабочего-социолога А. Н. Алексеева, виновного лишь в том, что он своими прогнозами и социологическими исследованиями на целое десятилетие опередил время, и Богомоллову предложили в числе других прочитать и оценить письма Алексеева — 700 страниц чужой жизни и чужих мыслей, он пришел в ужас: «Читать чужие письма?! Да вы с ума сошли!» [5]. Другие читали с интересом и давали на их основании заключение — исключить из партии, из Союза журналистов, из института социально-экономических проблем. «Экспертами» были и рабочие, и специалисты, и большие и малые руководители, и журналисты.

Секретарь парткома объединения тогда сказал: «Не того лидера... выдвинули, ошиблись» [5]. В итоге «ошибку» исправили: Г. А. Богомоллова исключили из партии, уволили с предприятия.

Так мифом или реальностью были наши представления о рабочем человеке как носителе прогрессивных общественных тенденций и едва ли не единственном гаранте реализации общечеловеческих интересов? Он — лидер прогресса или все-таки человек одномерный?

Во-первых, конечно, лидерами называли не весь массив рабочего класса, а лишь его передовую, сознательную и наиболее квалифицированную часть. Во-вторых, рабочий класс теснейшим образом был все-таки связан с социалистической собственностью, хотя и не являлся ее хозяином. Но она его «кормила», во многом определяла его перспективы, и он все-таки больше, чем кто-либо другой был заинтересован в ее сохранности. В-третьих, он обладал многими передовыми качествами социально-политического и нравственного характера — организованностью, коллективизмом, стремлением к социальной справедливости и т. д. И в-четвертых, в содержании труда квалифицированных рабочих органически соединялись умственные и физические усилия, управленческие и исполнительские функции. Справедливость этих оценок в 1989–1991 гг. доказало и рабочее движение.

Но все эти качества, присущие лишь лучшим представителям рабочих, *автоматически переносились на весь класс* и воспринимались им как данность. Это также пагубно влияло на его сознание.

Почему все-таки происходила ускоренная деформация рабочего класса? Не мешает сделать небольшой экскурс в историю его развития. Уже из гражданской войны он вышел, даже по Ленину, «ослабленный и до известной степени деклассированный разрушением его жизненной основы — крупной машинной промышленности...» [2, с. 10]. Постепенно его численность многократно увеличилась, но не

за счет расширенного воспроизводства рабочего класса на его собственной основе, а за счет сельских мигрантов. *Шел интенсивный размыв классовых традиций, утрачивались пролетарская психология и классовый этос.*

Нравственность старого кадрового пролетариата разъедалась бескультурьем, разрушенной трудовой и моральной мотивацией крестьянского сегмента вновь образующейся пролетарской массы.

Рабочий класс перестал быть «классом для себя» (когда осознавал себя, по Марксу, субъектом действия, единым сообществом с общими классовыми интересами) и вернулся в аморфное состояние «класса в себе» (не осознающего этой общности действий и интересов).

Почему это произошло? Двадцатые годы в России дали не просто два разных класса, а носителей двух принципиально разных парадигм развития — европейской и азиатской. Понятие «азиатской», введенное философом Е. Стариковым, употреблялось не в географическом, а в типологическом смысле, характеризующем наличие черт особых социально-экономических структур и звеньев, не обязательно «привязанных» именно к азиатскому региону [8]. Россия могла пойти по европейскому пути развития. Еще Плеханов предрекал, что в лице рабочего класса в России создается теперь народ в европейском смысле этого слова. То есть это *цивилизованное, культурное, осознающее свои классовые интересы и способное их защищать, с развитым чувством собственного человеческого достоинства население*. Западная, «европейская», парадигма порождает социализм, при котором субъекты собственности находятся в рамках гражданского общества, а не государственного аппарата, где развиты товарно-денежные отношения. А государство есть лишь элемент надстройки.

Но к началу 30-х годов эта парадигма была подменена *азиатской архаичной редистрибутивной моделью*. Массовой социальной опорой сталинизма в эти годы оказалась *самая неквалифицированная и нецивилизованная часть* промышленных рабочих, наиболее зависимая от государства, наиболее униженная им экономически. Такому рабочему было выгодно, чтобы оплата производилась ему не по конечным результатам труда, а в порядке благотворительного возмещения затраченных физических сил. Отсюда его постоянная физическая мобилизованность на аврал, на сверхурочную работу до 14, 16, 18 часов в сутки.

Этот *предпролетариат* (понятие Э. Ю. Соловьева) «с осознанием своей миссии, с беззастенчивостью государственного фаворита предьявлял себя остальному рабочему классу в качестве самого передового, социально-эталонного его отряда» [8]. Выдвижение его на позиции пролетарского гегемона привело к серьезной деформации и люмпенизации всего рабочего класса.

Надо отметить, что в сталинской концепции социализма рабочему классу не было отведено места как реальному хозяину своего предприятия, своего производства. Фактически он был освобожден от роли хозяина, хотя именно в этом качестве прославлялся в средствах массовой информации. А это также пагубно влияло на его сознание.

Даже по мнению В. И. Ленина, диктатура должна была осуществляться *лишь номинально пролетариатом*, так как новый правящий класс был политически в той же мере не готов к действительному управлению страной, в какой сама Россия исторически не созрела для социализма. Западные ученые (З. Бжезинский и др.) считают, что ленинское учение о партии как авангарде рабочего класса было его *творческим решением дилеммы о неготовности России и ее пролетариата к марксистской революции* [1].

Таким образом, рабочий класс как социальная сила оказался отданным на откуп администрации, партийно-государственной бюрократии, что задерживало его превращение в «класс для себя». Да и сам он не оправдал надежд, обнаружив сильную приверженность экономическим интересам, что увело его с передовых позиций.

Не сумев организовать борьбу за свои общеклассовые интересы, отдельные группировки и мозаичные фракции в большинстве своем вели борьбу за свое собственное место под солнцем в ущерб всем и вся, стремились урвать побольше любой ценой и у кого угодно. Рабочий класс сам растворился во всей массе трудящихся, которых объединяли не общие интересы, а именно их отсутствие. Это было слабоструктурированное образование, лишенное возможности участвовать в принятии властных и управленческих решений или проявлять себя в сфере заботности.

Регенерация рабочего класса как большой общественной группы, объективно сплачиваемой общим социальным интересом, началась с возрождения рабочего движения 1989–1991 гг. и тогда же закончилась.

Сегодня существует множество точек зрения на судьбу рабочего класса. Одни по-прежнему считают рабочий класс «двигателем истории», «лидером прогресса» и единичные факты рабочего протеста трактуют как проявление мощной роли рабочего класса. Другие отмечают превращение рабочего класса в профессиональную группу, слабо отстаивающую свои не классовые, а профессиональные интересы. Третьи призывают вернуться назад, к диктатуре пролетариата. И таких много. На них следует остановиться особо.

Силуэт «рвущего цепи пролетарского гиганта» возник еще в восьмидесятые годы. На этот раз цепи не капитализма, а своей доморощенной административной системы. Такой исход предрекал доктор философских наук И. Смирнов в серии статей, опубликованных в газете «Рабочая трибуна» [6]. Идя «по следам диктатуры пролетариата», автор подробно рассматривал причины ее угасания.

Военный коммунизм якобы не смог убить эту великую идею, но успел захлопнуть двери новой казармы перед мучительно искавшим социалистический выход рабочим движением. В итоге диктатура пролетариата — эта несостоявшаяся и обогнанная мечта Маркса — лишь промелькнула в нашем сознании скоротечной зарей Советской власти. Сегодня нужно помочь этому классу вернуть его утерянную диктатуру. В те годы способный победить пролетариат оказался неспособным воспользоваться плодами своей победы [6].

Ностальгия по диктатуре пролетариата охватила сегодня и других ученых. Сущностью всякого государства и всякой демократии, считают некоторые, будь то рабовладельческой или феодальной, буржуазной или социалистической, является диктатура одного класса. И практическая жизнь в итоге поставит все на свои места, вернет трудящимся то, что у них отняли.

Со знаменем диктатуры пролетариата сегодня выступают также борцы против рынка, старого разделения труда, за организацию экономики на основе полного самоуправления с помощью своей диктатуры и т. д. [А. Пригарин, С. Копылов, В. Пастухов, С. Черняховский и др.].

Что такое ностальгия по диктатуре пролетариата? Это прежде всего ностальгия по социальному неравенству классов, возвышению одного класса за счет другого, делению общества на «плохих» и «хороших», когда «хорошие» должны снова подняться на борьбу и уничтожить всех «плохих» — ликвидировать их мораль, нравственность, духовные и культурные ценности ради «светлого будущего», как это уже было.

Против кого собираются выступать приверженцы диктатуры сегодня?

Те, кто призывают к диктатуре пролетариата, не учитывают, что пролетариата в прямом смысле этого слова давно нет. Ведь что такое пролетариат? Это не рабочие, не крестьяне, не интеллигенция. Пролетариат — это неимущие. Несобственники, нехозяева, нищие. В развитых странах определение пролетариат звучит как оскорбление. У нас его снова поднимают на щит. Некоторые исследователи вместо диктатуры пролетариата стали говорить о диктатуре рабочего класса. Но диктату-



ры рабочего класса в принципе быть не может. Существовать может не диктатура рабочего класса, а диктатура выходцев из рабочего класса — правящего класса диктаторов. Как только рабочий стал диктатором, он сразу автоматически перестал быть рабочим, так как он кардинально поменял суть своей деятельности и поменял основные классовобразующие признаки (отношение к власти и отношение к собственности), т. е. свою классовую принадлежность.

К тому же сегодня и в социальной структуре общества, и внутри рабочего класса идут сложные процессы, которые пока еще трудно и осмыслить, и обобщить. Они как в броуновском движении постоянно видоизменяются, приобретают неожиданно новые очертания и признаки и, вероятно, не определяют свои формы в течение всего переходного периода экономики к рыночным отношениям.

В связи с этим создается ситуация, когда многие позиции, сопряженные с трудом рабочего, больше не обладают той объединяющей силой, какая была когда-то. Главные производственные процессы уже не привязаны к одному определенному месту, любая вещь является результатом разнообразных исследований и состоит из компонентов, изготовленных в лабораториях и цехах, находящихся далеко друг от друга, нередко — в разных странах, а каждое предприятие предстает в виде многочисленных служб, контор, финансовых структур, теперь еще и коммерческих сетей с огромным множеством действующих социальных лиц. Поэтому в нынешнем, гораздо более сложном, технизированном, информационном обществе стала наиболее решающей позиция новых социальных слоев, в том числе инженерно-технических работников и управленческих кадров.

Следовательно, это уже не столько рабочий класс, сколько *совокупный работник — персонал*, который не вмещается в рамки одного цеха, предприятия, отрасли. Расширение производственных связей между конструкторскими бюро, отделами, производством и услугами, развитие информатики, способствующей сближению и унификации прежде разобщенных функций и профессий, все более тесная связь науки с производством и необходимость контактов между людьми, занимающими различные должности на одной или разных ступенях иерархии одного и того же или разных предприятий, — все это способствует сближению, сотрудничеству между работниками разных профессий с разным уровнем квалификации, разным подходом, разными интересами.

Совокупный работник теперь включает и трудящихся из тех сфер деятельности, которые традиционно относили к «непроизводственной» или «непроизводительной» сфере. Характер современного производства таков, что оно все в большей степени требует работников умственного труда, который ведет к *пролетаризации* интеллигенции. С другой стороны, этот же процесс направлен на трансформацию рабочего класса в *интеллигенцию*.

В связи с этим меняются качество и функции рабочего класса. К тому же, рабочий, покупая акции своего предприятия, становится собственником капитала, что тоже меняет его отношение к экономическому процессу и его результатам.

Таким образом, в этих условиях диктатура рабочего класса становится анахронизмом. Место рабочего класса занимает персонал предприятий.

Как он будет развиваться, куда пойдет? Верится, что в недрах нашего человеческого сообщества еще жива, сохранилась его живая сердцевина, еще могут пойти в рост сильные молодые ветви, как это случилось в ходе забастовочного движения, когда Человек, захваченный процессами демократизации общества — бурными митингами, политическими страстями, парламентскими баталиями, рождающейся многопартийностью, формирующейся политической системой — буквально менялся на глазах. Тот человек и сегодня дает надежду, что мы еще встанем на ноги.

## Литература

1. Бжезинский З. Большой провал. Агония коммунизма // Квинтэссения: Философский альманах / Сост. В. И. Мудратей, В. И. Усанов. М. : Политиздат, 1990. С. 257.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Издательство политической литературы, 1967.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. М.: Издательство политической литературы, 1967.
4. Наумов В. Лидеры и марионетки // Соц. индустрия. 1989. 5 ноября.
5. Почин С. Разлад // Лен. правда. 1986. 28 декабря; После разлада // Там же. 1987. 5 июля.
6. Смирнов И. Зачем рабочему власть // Рабочая трибуна. 1990. 31 января, 1, 3 февраля.
7. Солженицын А. Жить не по лжи! // Рабочее слово. Киев. 1988. 18 октября.
8. Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права. М. : Политиздат, 1990. С. 162–235.
9. Стариков Е. Новые элементы социальной структуры // Коммунист. 1990. № 5. С. 31.
10. Трушков В. В. Стержень пролетариата. К дискуссии об индустриальном рабочем классе // Официальный сайт КПРФ [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru>.

## References

1. Brzezinski Z. *Grand Failure: Communism agony* [Bol'shoi proval. Agoniya kommunizma] // Quintessence: Philosophical almanac [Kvintessetsiya: Filosofskii al'manakh] / Collection of V. I. Mudratey, V. I. Usanov. M. : Politizdat, 1990. P. 257. (rus)
2. Lenin V. I. *Complete works* [Polnoe sobranie sochinenii]. V. 44. (rus)
3. Lenin V. I. *Complete works* [Polnoe sobranie sochinenii]. V. 38. (rus)
4. Naumov V. *Leaders and puppets* [Lidery i marionetki] // Socialist industry [Sotsialnaya industriya]. 1989. November 5. (rus)
5. Pochin S. *Discord* [Razlad] // Leningrad Truth [Leningradskaya Pravda], 1986. December 28; After discord [Posle razlada] // Ibidem. 1987. July 5. (rus)
6. Smirnov I. *Why to the worker power* [Zachem rabochemu vlast'] // Working tribune [Rabochaya tribuna]. 1990. On January 31, on February 1, 3. (rus)
7. Solzhenitsyn A. *Not to live by lies!* [Zhit' ne po lzhi!] // Working word [Rabochee slovo]. Kiev. 1988. October 18. (rus)
8. Solovyov E. Yu. *Legal nihilism and humanistic sense of the law* [Pravovoi nигilizm i humanisticheskiy smysl prava]. M. : Politizdat, 1990. P. 162–235. (rus)
9. Starikov E. *New elements of social structure* [Novye elementy sotsial'noi struktury] // Communist [Kommunist], 1990. N 5. P. 31. (rus)
10. Trushkov V. V. *Core of the proletariat. On discussion about industrial working class* [Sterzhen' proletariata. K diskussii ob industrial'nom rabochem klasse] // Official site of the CPRF [Ofitsial'nyi sait KPRF] [An electronic resource]. URL: <https://kprf.ru>. (rus)